

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ. Літературознавство**СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ГАЗЕТА «ДЕНЬ» (1861-1865) О ЖЕНСКОМ ВОПРОСЕ***

Н.Н. Вихрова

*(кандидат филологических наук, доцент,**Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)*

У статті розглядаються матеріали слов'янофільської газети «День», присвячені проблемі ролі та значення жінки в соціумі. Доводиться, що редактор громадсько-літературного видання І.С.Аксаков висвітлював жіноче питання на сторінках газети з ліберально-консервативної позиції, захищаючи традиційні цінності.

The article discusses materials of Slavophil newspaper «The Day», which devoted to the problem of the women's role and importance in society. It is proved that I.S. Aksakov, the editor of the socio-literary publication took up women's question on pages of the newspaper from the point of view of liberal-conservative position and protected traditional values.

После смерти вождей славянофильства (Киреевские — в 1856, Хомяков и К.Аксаков — в 1860) Иван Аксаков осознает себя чуть ли не единственным «душеприказчиком» славянофилов и считает своим долгом «служить памяти Хомякова и брата, печатая их статьи и доказывая своими статьями, что мысль их жива и плодотворна... Она как фонарь, светящий в будущее» (письмо кн. Черкасской от 6 февраля 1861 г. цит. по [1, 83]). В условиях обострившейся общественной борьбы в пореформенное время И.Аксаков ставит своей целью проводить основную линию газеты во всей чистоте и однозначности славянофильского учения. Тем не менее современники отчетливо видели отличие аксаковского «Дня» от выступлений прежних славянофилов. Так, в докладной записке, подготовленной для министерства внутренних дел, гр. П.И.Капнист утверждал: «Что касается до народности», то и это понятие Киреевские применяли к религии, Хомяков — к науке и искусству, а И.Аксаков уже по преимуществу к общественному и политическому строю, сходясь в этом случае с самыми радикальными тенденциями самых крайних «западников», прежних непримиримых врагов славянофильства» [2, 63]. И. Аксаков считает, что главная задача в это время — формирование народного самосознания общества. Вместе с тем он продолжает борьбу за «новую литературу», «литературу синтеза», ростки которой видит в творчестве Кохановской (Н.С. Соханской). В середине 1860-х годов он предполагает сам включиться в литературный процесс, представив в романе — абсолютно новом для него жанре, но весьма популярном в это время — новые, народные типы. В письме к невесте А.Ф. Тютчевой он предлагает: «Давай писать роман, Анна, непременно давай писать вместе роман, и представим там идеал русской женщины, оправдаем взгляд русский и христианский... И обязанность романиста показать в этом повиновении (о покорности жены мужу — Н.В.) силу, в этих отношениях жены к мужу такую поэзию, такую жизнь...» [3]. Это намерение осталось неосуществленным. Однако весьма характерно, что основной идеей предполагаемого романа Аксакова является представление славянофильской трактовки решения женского вопроса (в данном конкретном случае, примиряющем христианский и либеральный аспекты брака, И. Аксаков идет вслед за своим старшим братом, утверждавшим: «Брак есть отношение *равное*. Это несколько не противоречит святой Апостольской истине, что муж есть глава жены. Первенство не мешает равенству; этого объяснять, кажется, не нужно» [4, 406]).

То, что «женский вопрос» рассматривался славянофилами в едином ключе с проблемой народности ясно видели и идеологические противники из лагеря «Современника». В черновой редакции романа «Что делать?» Н. Чернышевский после слов Веры Павловны: «Ах, мой милый,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 12-04-00051.

скажи: что это значит эта «женственность»? Я понимаю, что женщина говорит контральтом, мужчина – баритоном, так что же из этого? Стоит ли толковать из-за того, чтоб мы говорили контральтом? Стоит ли упрашивать нас об этом? Зачем же все так толкуют нам, чтобы мы оставались женственны? Ведь это глупость, мой милый?» поместил следующую реплику Лопухова: «То же самое, Верочка, как славянофилы упрашивают русский народ, чтоб он оставался русским, – они не имеют понятия, что такое натура, и думают, что хоть мне, например, нужно ужасно заботиться о том, чтобы у меня волосы оставались каштановыми, – а если я чуть забуду об этом заботиться, то вдруг порыжею» [5, 452]. Причину устранения этого пассажа в окончательной редакции С. А. Рейсер справедливо объясняет цензурными опасениями автора, так как «полемика со славянофилами усиливала политическую актуальность» [5, 798]. Поскольку главным славянофильским изданием в то время, когда вышел роман (Современник, №№ 3, 4 и 5 1863 г.), была газета «День», надо думать, что именно против его позиции и был направлен полемический выпад. Разумеется, как редактор общественно-литературного издания, манифестирующего четкую программу славянофильского толка, И. Аксаков так или иначе не мог не высказаться по одному из злободневных вопросов современности. Имеется достаточное количество материалов, свидетельствующих о внимании старшего славянофила к этому вопросу на протяжении всей его творческой жизни.

Подчеркнем, что формирование взглядов на значение и роль женщины проходило в большой и дружной семье Аксаковых, где царил абсолютно равноправное и уважительное отношение между всеми членами семейства. В 1840-1850-е годы молодой Аксаков много размышляет о роли женщины в жизни общества: строит планы о создании семьи в переписке с родными, рисует поэтический портрет идеальной жены в стихах, посвященных Софье, жене брата Григория, беспокоится о судьбе сестер; наверняка небесследно для понимания женского вопроса проходят взаимоотношения с такими разными женщинами, оставившими след в истории, как А.О. Смирнова, Ю. Жадовская, А. Растопчина, Н. Соханская (псевдоним Кохановская), М. Маркович (псевдоним Марко Вовчок), К. Павлова, Е. Вельтман и др.

Среди литературных авторитетов, влияющих на становление взглядов И. Аксакова на роль и положение женщины, главное место занимает пушкинская поэзия. Представленный Пушкиным «Татьяны милой идеал» И. Аксаков горячо и сочувственно принял еще в ранней молодости и пронес через всю жизнь, о чем свидетельствует его юношеский дневник 1841 г. [см.: 6, 169-181]. Тип пушкинской героини в некоторых чертах угадывается в аксаковской лирике 1840-х годов («При кликах дерзостно-победных» (1847), «Что мне сказать ей в утешенье» (1847)). В контексте данной проблемы важное место занимает не полностью опубликованная переписка И.С. Аксакова с невестой, затем женой А.Ф. Тютчевой, в которой содержится аксаковская концепция женского идеала, освещаемая со славянофильских позиций. Следует отметить, что Иван Аксаков последовательно углубляет в определении образа, подобного пушкинской Татьяне, православно-нравственный элемент (в 1880 году он с полным сочувствием воспринял подобного рода трактовку образа Татьяны Достоевским в его знаменитой «пушкинской» речи). Л. Толстой, сочувственно относившийся лично к Ивану Аксакову, зная его общественно-идеологическое «направление», не мог удержаться от язвительного замечания по поводу его женитьбы на фрейлине императрицы А.Ф. Тютчевой (естественно, олицетворявшей для Толстого охранительное «направление»): «Новость эта меня ужасно поразила. Для меня это был выстрел из двуствольного ружья. Во-первых, брак (не брак, а это надо назвать как-нибудь иначе, надо приискать или придумать слово), пока – брак А. Тютчевой с Аксаковым порастил меня, как одно из самых странных психологических явлений. Я думаю, что ежели от них родится плод мужеского рода, то это будет тропарь или кондак, а ежели женского рода, то российская мысль, а может быть, родится существо среднего рода – воззвание или т.п.

Как их будут венчать? И где? В скиту? В Грановитой палате или в Софийском соборе в Царьграде? Прежде венчания они должны будут трижды надеть мурмолку и, протянув руки на сочинения Хомякова, при всех депутатах от славянских земель произнести клятву на славянском языке. Нет, без шуток, что-то неприятное, противуестественное и жалкое представляется для меня в этом сочетании. (...) Посмотрите, что какая-нибудь страшная нравственная monstruosité

выйдет из этого брака. Я знаю, что вы рассердитесь на меня за то, что я так говорю о вашей предшественнице, которую вы теперь стараетесь любить еще больше, чем прежде; но я не мог. С тех пор, как я узнал эту новость, я каждый день по нескольку раз думаю об этом – не браке, о слиянии двух – не душ, а направлений...» [7, 298-300].

Как правоверный приверженец славянофильского «направления», публицист, литератор и частный человек И. Аксаков последовательно проводил близкий ему взгляд на роль и значение женщины, совмещающий и примиряющий национальный, ортодоксально-православный и либеральный аспекты. Но в первую очередь для славянофилов решение женского вопроса неразрывно связано с выработкой концепции русского национального характера. В своих многочисленных путешествиях по России, славянским странам, бывая в «цивилизованной» Европе, Аксаков всегда обращал особое внимание на женщин. Приведем хотя бы некоторые весьма красноречивые характеристики женских национальных типов. О польках: «...Вообще патриотизм польский наиболее поддерживается ксендзами и женщинами. Те польки, которых мне удалось видеть от Киева до Умани, не хотели иначе говорить с нами, как по-польски, хотя умеют говорить и по-русски, и по-французски...» [8, 380]. О еврейках: «Женщины все красавицы, но совершенно холодным, бесстрастным взором, в котором выражается только корысть. В шабаш запрещено брать деньги, и забавно было видеть, как еврейка продавала вино ратникам, не принимая денег в руки, а приказывая класть их на стол» [8, 381]. Об украинках: «Женщина в Малороссии изящнее, чем в России, и имеет гораздо более значения. В них вовсе нет вялости и лени и они госпожи в доме. Я говорю про народный быт. Они, кажется мне, довольно капризны, крикливы, и хохол отделяется от жинки упорным молчанием. Понятно, что запорожцы непременно условием своего товарищества считали отсутствие женщин в Сечи. Есть песня, приводимая Скальковским: мы жинок мучимо любимы и пр. Этой предосторожности не надо было бы брать русскому человеку. Жена над ним не мудрует и не заставит его забыть про свои обязанности. Зато едва хохол заложил бы свою жену, как это делали русские. Приятен и выговор малороссийский в устах женских: речь как-то гибче, волнистее, певуче! Да и малороссиянки, надо отдать им справедливость, очень грациозны. Сидоренко (актриса – Н.В.) – тип украинки. Вообще в театре хорошеньких было очень много» [9, 99]. Об хорватках: «Вообще о дамах. Сплетни здесь страшные. Только две пользуются хорошей репутацией. Делать нечего, ничего не читают и, кажется, все занимаются любовными интригами. Одеваются, когда выходят пышно, а дома чуть не сидят в грязных рубашках. Вообще очень грязны, никогда не моются. Наперекор общему явлению, здесь дамы первые изменяют народности, выходят замуж за австрийских офицеров, говорят по-немецки» [9, 139]. О немках: «Нигде не видал я такой искренней дружбы жен к мужьям и обратно, как в Германии. Жены нисколько не совестятся толковать о своих мужьях и высказывать свою к ним привязанность. Чувствуется, что каждая гордится своим званием жены и смотрит на это как на дело. ... О дамах надобно заметить, что они здесь гораздо крепче здоровьем и телосложением, гораздо здоровее физически. Калош не носят (как это они не пачкают ног!), без церемоний приподнимают юбки, экипажей не знают, ходят пешком, не знают двойных рам, отворяют окна зимою и гораздо лучше выносят скверную погоду, чем мы. Но они здоровее и душевно. Я не слыхал о нервах в Германии, тогда как у нас ни одна дама не решится сказать, что она здорова нервами! Сентиментальности и мечтательности особенной я также не заметил. Многим они обязаны *серьезному* воспитанию: все они много и хорошо учились. А у нас и мужчины не получают серьезного воспитания. Все они дисциплинированы. Серьезное учение избавляет от непомерных требований и болезненных причуд. Потом семейная жизнь, идея дома очень важны для немки» [9, 152-153]. В 1863-1864 в связи с польским мятежом обострился национальный вопрос во всех Западных губерниях России. Из номера в номер в газете «День» помещались материалы, освещающие вопросы взаимоотношений между русскими, поляками, белорусами, малороссами, остзейскими немцами. Порой в межнациональный примешивался и женский вопрос. Так, 22 июля 1863 г. в газете было опубликовано от имени редакции «Дня» открытое обращение «Из Москвы к православным белорусам не из крестьян, преимущественно к белорусскому духовному сословию» [10, 13-14], в котором содержались резкие упреки православному духовенству в

том, что оно в быту и проповедях используют польский язык. Особенно подчеркивалось, что в первую очередь это касается жен священников. Данное обращение спровоцировало далеко идущие обобщения об отсутствии патриотического чувства у русских женщин в Западных губерниях России. В 1864 г. в газете публиковались статьи с говорящими названиями: Из Минска: Отрывки из письма одной русской женщины из Минска к другой русской в Москву... Без подписи. Есть ли русские женщины в Западном крае, если есть, то что они там делают? [11, 11-13] и ответные – с защитой женщин: Еще несколько слов о русской женщине в Западном крае. Подпись: Е. Х. [12, 94] Еще несколько слов в защиту русской женщины в Западном крае. (Письмо к редактору). Того же автора [13, 330]. Причем в примечаниях от редакции Аксаков, признавая отдельные исключения, все же настаивал на массовом характере вызывающего «ополячивания» женщин.

Другая сторона «женского вопроса», более привычная для публики 1860-х годов, - восприятие нового образа женщины, борющейся за свои права, разрушающей стереотипы, о которой в обществе формируются карикатурные «известия о какой-нибудь «скромной женщине» со стриженными волосами, которой делают грубость – шикают в Публичной библиотеке, известия о женщине «прогрессистке», ходящей курить в театральное фойе» [14, 65]. 1850-1860 годы – время становления «женского вопроса», который позитивно решали близкие к «Современнику» демократические и либеральные издания (по истории женского вопроса в России к настоящему времени сформировалась довольно солидная литература; см., например, очень информативные издания [15; 16; 17; 18]). При осмыслении системы взглядов старшего славянофила на женский вопрос необходимо в полной мере учитывать самый широкий фон, связанный с идеологической борьбой и духовными исканиями в русской литературе, журналистике 1860-х гг. XIX века. Вместе с тем в пору ожесточенной идеологической борьбы пореформенного времени литературно-общественные силы вынуждены были довольно резко разделиться на два лагеря: одни видели в женской эмансипации закономерное прогрессивное явление, другие расценивали его как ненормальное, уродливое проявление западного влияния, разрушающее традиционные ценности и размывающее национальную идентичность. Иван Аксаков принадлежал к последнему лагерю, но к нему присоединялись в то время Тургенев (пустивший в обиход нарицательное имя Кукшина), Л. Толстой («Зараженное семейство»), Лесков, Достоевский (известные «антинигилистическими» романами), Гончаров (см., например [19, 51-67]). Интересно, что для всех этих мэтров русской литературы, которых никак нельзя обвинить в «мужском шовинизме» и мракобесии, был характерен, как правило, ироничный подход к женскому вопросу, восприятие его как явления временного, неэстетичного и несерьезного. Вместе с тем, если у романистов женская тема имела художественное проявление, то в еженедельном издании Аксакова она носила острый политический характер. И под этим углом позиция Аксакова рассматривалась исследователями вплоть до нашего времени. Так, известный историк женского движения отмечает: «Особое место в его обсуждении заняла проблема посещения университета женщинами, ибо она справедливо рассматривалась как важная составная часть вопроса о положении женщины в обществе. Вслед за "Современником" против "дикого разделения знаний на мужские и женские" выступили "Русское слово" и "Колокол". В упорной, резкой и злобной оппозиции оказались "Русский вестник" Каткова и славянофильская газета "День"» [20, 153]. Действительно, в №22 1862 года была помещена статья «Педагогические затруднения. (Из письма в редакцию)» за подписью — ъ, в которой первые строки связаны с постановкой злободневной темы: «Раз возвращается моя Сашенька из женской гимназии, вся раскрасневшись, и видимо взволнованная говорит своей маменьке: - Ах, маменька! Что я слышала?.. Это прелесть. Мы будем учиться в университете!...». Аксаков снабдил эту статью примечанием, в котором вполне ясно определил свою позицию: «Читатели, без сомнения, обратят внимание на эти педагогические заметки, в которых под легкой и шуточной формой проводится такая стройная и строгая мысль. С своей стороны, мы желали бы, чтобы вопрос о допущении девиц в звание студентов был поставлен прямее и так сказать бесцеремоннее. К этой бесцеремонности, или, иначе, серьезности в обсуждении упомянутого вопроса обязывает нас искреннее уважение к женщине. Действительно, пора эмансипировать женщину от

посягательства эмансипаторов на ее женское достоинство, от покушения мужчин сделать из нее плохого мужчину; пора возвратить женской, так легко нами смущаемой, душе — свободу внутреннюю, независимость и мир в обладании ее женскими правами, в наслаждении ее женскими благами, в совершении ее высокого женского подвига. Признавая за женщиной право на высшее, доступное человеку, образование, мы решительно не видим надобности добиваться посещения девицами университета вообще. А лекций физиологии и анатомии в особенности, - чего именно хочется нашим форрейторам-фельетонистам: *das ist pikant*, как говорят немцы, а в этом-то вся и прелесть для некоторых ревнителей просвещения. (...) Впрочем мы не верим, чтоб человек, серьезно преданный науке, захотел присутствия женщин и девиц на своих лекциях в университете. Кроме того, что присутствие их стесняло бы профессора невольным образом, в выражениях они бы внесли элемент несерьезности как в преподавание, с одной стороны, так и в изучение преподаваемого, с другой. Признаться, мы предполагаем в студентах довольно свежести и молодости, чтобы, заглядевшись на красавицу-студентку, забыть и профессора, и всякие аналитические функции, и филологические флексии и суффиксы, и всевозможные науки!» [21, 6]. На самом деле Аксаков выступал не против высшего образования для женщин, а против современного содержания университетского образования, которое способно не образовать женщину, а нанести ей нравственно-духовный вред (размышляя о народном образовании, Аксаков замечал: «...Если нам скажут: выберите учителя из этих трех: семинариста, писаря-кантониста, вполне соответствующему общему, известному нам типу военных писарей, или студента — поклонника Бюхнера, собирающегося проповедовать свой материализм крестьянским детям, — мы, нимало не медля, предпочтем первого» [22, 8]). Напротив, в газете «День» на протяжении всего времени издания усиленно пропагандировались альтернативные виды женского образования и способы общественной самореализации женщин. Так, здесь сочувственно упоминались женская гимназия, учрежденная купцами в Рыбинске (1863, № 10), женские училища в Арзамасе (1863, № 43), Вильно (1863, № 45), Гродно (1863, № 25), Курмыше (1863, № 16), Мозыре (1864, № 23), женской семинарии, открытой в день тысячелетия русской грамотности двумя женщинами-учредительницами М.М. Дондуковой и Д.Ф. Каменской (1864, № 15), газета активно помогала собирать средства для открытия женских училищ в Западном крае (1864, № 16), в том числе для девиц духовного звания в Белоруссии (1864, № 17 и др.), для новой женской общины во имя святителя и чудотворца Тихона в Короцке Новгородской губернии (1865, № 10 и др.) и т.п. К этому следует прибавить весьма красноречивые корреспонденции, положительно оценивающие разнообразную женскую деятельность: «Учительницы в народе» тверского священника И.С. Беллюстина (1864, № 40); «Из провинции. Кое-что о женском труде». Подпись: Н. Д – ва. (О женском интеллектуальном труде: врач, воспитатель и т.д.) (1864, № 43); По поводу общества соединенного женского труда. Без подписи. (1864, № 33); Из Псковской губ.: женская служба крестьянскому делу. Подпись: Н.В. (Рассказывается о молодой девушке – Л.А. Юрениной – активно помогавшей крестьянам и рано умершей) (1865, № 25) и т.п. Кроме того, нужно учитывать и тот факт, что И.Аксаков с уважением относился к профессиональной литературной деятельности женщин. С готовностью предоставлял страницы своего издания Н. Кохановской, творчество которой он считал новым словом в литературе, К. Павловой, которую он не очень жаловал лично, но считал своим долгом оказать посильную материальную помощь, Е. Вельтман и др.

В целом материалы газеты «День» свидетельствуют о том, что Иван Аксаков не находился в отношении женского вопроса в «упорной, резкой и злобной оппозиции», а последовательно решал его на платформе либерально-консервативных начал («живучего консерватизма», по словам Ю. Самарина [цит. по: 23, 91]), защищающих традиционные ценности.

1. Кошелев В. А. Век семьи Аксаковых // Север. – 1996. – № 2.
2. Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг. – СПб., 1865.
3. РГАЛИ. Ф. 10. Оп.1. №236. Лл.118, 119.
4. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. – М., 1995.

5. Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. – Л., 1975. (Серия Литературные памятники).
6. Вихрова Н.Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. – 1999. – №2.
7. Письмо А.А. Толстой. 26...27 ноября 1865 г.
8. Письма родным 1849-1856. – М., 1994.
9. И.С. Аксаков в его письмах. – Т.3. – М., 1892. Письма 1851-1860. Приложение. Отрывок из Дневника.
10. День. – 1863. – № 30.
11. День. – 1864. – № 45.
12. День. – 1865. – № 4.
13. День. – 1865. – № 14.
14. День. – 1865. – № 3.
15. Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. – М., 1988.
16. Пушкарева Н. Русская женщина: история и современность: два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000. Материалы к библиографии. – М., 2002.
17. Юкина И. История женщин России: женское движение и феминизм (1850-е-1920-е годы). – СПб., 2003.
18. Понамарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. – М., 2006.
19. Котельников В.А. И.А. Гончаров в идеологических и общественных коллизиях 1862-1867 гг. // Русская литература. – 2012. – № 2.
20. Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. – М., 1988.
21. День. – 1862. – № 22.
22. День. – 1863. – №4.
23. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. – М., 1978.